

Лев
Давидович
Троцкий

ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРЫ

ТОМ III

T8 RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т76

Троцкий, Л. Д.

Т76 Проблемы культуры. Том III / Л. Д. Троцкий. — М. : Т8 RUGRAM, 2018. — 446 с. — (Навстречу революции).

Лев Давидович Троцкий (1879—1940) — прогрессивный революционный деятель, одна из самых ярких политических фигур начала XX века, автор теории перманентной революции, капитальных исторических трудов по революции 1917 года, критических статей, практик и теоретик марксизма.

«Проблемы культуры» — уникальный сборник статей автора, в которых рассматриваются вопросы культуры и развития России в различных областях. В книге представлены дореволюционные статьи Троцкого о литературе, печатавшиеся в «Восточном Обзрении» в 1900—1902 годах, после-революционные статьи 1922—1926 годов, а также статьи о наиболее знаковых писателях и философах, среди которых: Л. Толстой, Ф. Достоевский, Л. Андреев, Г. Ибсен, Д. Мережковский и многие другие.

Благодаря документальной точности Л.Д. Троцкого, у читателя есть прекрасная возможность прикоснуться к истории XX века и посмотреть на неё глазами виднейшего революционного деятеля того времени.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
VIII. ПЕРЕД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ	7
IX. О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ	131
X. МЕЖДУ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ И ВОЙНОЙ	151
XI. ЗАПАД И МЫ	314
ПРИМЕЧАНИЯ	435

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том составлен из статей о литературе, написанных в период с 1900 по 1914 гг. Отдел «Перед первой революцией» заключает в себе характеристику литературных явлений того периода, когда в поэзии появились декаденты, а в публицистике легальные марксисты. В отдел «О Л. Толстом» вошли две статьи о творчестве Л. Толстого и некролог о нем. Статьи, вошедшие в последние два отдела, были напечатаны в сборнике «Литература и революция» за исключением четырех статей: «Нечто об анкетах», «Соблазнительные параллели», «Россия и Европа» и «Масарик о русском марксизме», взятых из других источников.

VIII. ПЕРЕД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

КОЕ-ЧТО О ФИЛОСОФИИ «СВЕРХЧЕЛОВЕКА»

В последнее время наша журнальная и газетная литература сделалась не в меру почтительной «перед лицом смерти». Есть литераторы, от которых ничего не требуешь и ничего не ждешь – по той простой причине, что с них и взять-то нечего: даже фигового листка они лишены, чтобы прикрыть в случае надобности собственную наготу... К их похвалам и порицаниям мы с полным основанием можем относиться безразлично. Мертвецы сами, они хоронят своих мертвецов...

Не о них в данном случае речь, но о тех литераторах, от которых можно ждать вполне здорового отношения ко всяким литературным и общественным явлениям, хотя бы и осененным смертью–«примирительницей».

В последнее время Россия похоронила Джаншиева¹ и Соловьева, а «Европа» – Либкнехта² и Ницше. Конечно, слишком грубо «пинать», по выражению Н. К. Михайловского, чей бы то ни было «труп ногою»; но отвести каждому из этих умерших подобающее место, сообразно с его общественно-литературной физиономией, значит, быть может, оказать ему, как представителю определенной системы убеждений, даже больше уважения, чем неумеренным восхвалением, исходящим из лагеря противников. Вряд ли Либкнехту доставило бы удовольствие, если бы его похвалили в «Московских Ведомостях» или в «Но-

вом Времени», точно также, как Ницше не был бы рад похвале «Vorgwarts'a»³ или, напр., «Русского Богатства». Помнится, скандинавец Киланд⁴ уверяет – и мы вполне верим его искренности, – что все похвалы радикальной прессы не доставили ему столько удовольствия и душевного удовлетворения, как злобная брань журнальных обскурантов.

Если о мертвых полагается либо ничего не говорить, либо говорить «хорошо», то... лучше уж красноречиво промолчать, чем затемнять истинное общественное значение умершего ничего не значащим потоком елейных восхвалений. Мы можем и должны беспристрастно относиться к личности наших общественных противников, отдавая – если найдется время и место – должную дань их искренности и прочим индивидуальным добродетелям. Но противник – искренний он или не искренний, живой или мертвый – все же противник, особенно литератор, в своих трудах живущий даже после своей смерти – и замалчивая это, мы совершаем общественное преступление: «отсутствие активного противодействия, – говорит славный русский мыслитель, – есть пассивная поддержка». Этого не полагается забывать даже пред трагическим лицом смерти.

Вышесказанные соображения натолкнули нас на мысль посвятить несколько слов недавно умершему философу Фридриху Ницше, собственно тем сторонам его учения, которые касаются его общественных воззрений и суждений, симпатий и антипатий, социальной критики и социального идеала.

Философию Ницше многие объясняют складом его личности и его жизни. Будучи человеком незаурядным, он не мог – де пассивно примириться с положением, в которое его поставила болезнь. Вынужденная оторванность от общественной жизни должна была натолкнуть его на выработку такой теории, которая не только давала бы ему возможность жить при указанных

условиях, но и осмысливала бы эту жизнь. Как следствие его болезни, явился культ страдания. «Вы желаете, насколько возможно, уничтожить страдание, а мы, кажется, мы хотим увеличить его, сделать его более сильным, чем оно было... Культ страдания, великого страдания – разве не знаете вы, что только этот культ вел до сих пор человека в высь».

«В этих словах, – говорит Алоиз Риль⁵, – слышится голос больного, который превратил страдания в воспитательное средство для воли».

Но культ страдания есть только частность – и притом не весьма характерная – философской системы Ницше, частность, неосновательно выпячивавшаяся на передний план некоторыми критиками и истолкователями нашего философа. Социальной осью всей его философской системы (если бы только писания Ницше разрешено было оскорбить столь вульгарным в глазах их автора термином, как «система») является признание преимущественного права за некоторыми «избранными» пользоваться всеми благами жизни безданно-беспошлинно: эти счастливые избранники освобождаются не только от труда созидательно-го, но даже от «труда» господства. «Для вас вера и служение (Dienstbarkeit)! – такова участь, которую Заратустра предоставляет в своем идеальном обществе обыкновенным смертным, тем, которых слишком много» (den Vielzuvielen). Над ними стоит каста (sic) распорядителей, стражей закона, защитников порядка, воинов. На вершине их находится король, «как высший образ воина, судии и охранителя закона». По отношению к «сверхчеловекам» все это – элементы служебные: они берут на себя «грубую работу господства», служа для передачи массе рабов «воли законодателей». Наконец, высшая каста есть каста «господ», «творцов ценностей», «законодателей», «сверхчеловеков»... Она дает направление деятельности всего социального организма. Она

будет играть у людей на земле ту же роль, какую бог, по христианской вере, играет во вселенной...

Таким образом, даже «труд» властвования возлагается не на самых высших, но лишь на высших из низших. Что же касается «избранных», «сверхчеловеков», то они, освобожденные от всяких социальных и моральных обязательств, ведут жизнь, полную приключений, веселья и смеха. «С того момента, как я живу, – говорит Ницше, – я хочу чтобы жизнь лилась через край и была настолько расточительна, настолько тропична во мне и вне меня, насколько это лишь возможно».

Выше говорится о культе страдания. Подразумевается страдание физическое, от которого часто не может избавить «сверхчеловека» никакая преданность «рабов». Что же касается страданий, связанных с общественным неукладом, то от них «сверхчеловек» должен быть, разумеется, вполне свободен. Если для «сверхчеловека» (да и то лишь для сверхчеловека *im Werden* – в процессе становления. *Ред.*) еще остается какой-нибудь обязательный труд, так это труд самоусовершенствования, заключающийся в тщательном вытраивании всего, что напоминает собой «сострадание». «Сверхчеловек», поддавшийся чувству сострадания, жалости, участия, совершает падение. По старой «таблице ценностей» сострадание есть добродетель; Ницше считает его высшим искушением и самой ужасной опасностью. «Последний грех» Заратустры, самое страшное из всех бедствий, которые он должен претерпеть, есть сострадание. Если он смягчится над несчастным, если он тронется видом горя, то судьба его решена: он побежден, имя его должно быть вычеркнуто из подушных списков касты «господ». «Повсюду, – говорит Заратустра, – звучит голос тех, которые проповедуют смерть, и земля полна таких, которым необходимо проповедовать смерть – или «вечную жизнь», – прибавляет он с голым